

Юрий Поляков

Пцыроха

Часть сборника
*Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве*

Юрий Поляков
Пцыроха

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Поляков Ю. М.

Пцыроха / Ю. М. Поляков — «Эксмо», 2016

«Я проснулся до будильника и лежу с закрытыми глазами. Отец допоздна слушал футбол и забыл выключить приемник. Это у него бывает, потому что в полночь, сразу после гимна, радиоточка замолкает сама собой. Правда, по транзистору, крутя колесико, можно поймать чужую, вихляющую музыку (дядя Юра называет ее «джазом») и смешное иностранное бормотание, даже китайское, похожее на кошачье мурлыканье...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Поляков Ю. М., 2016
© Эксмо, 2016

Юрий Поляков Пцыроха

Я проснулся до будильника и лежу с закрытыми глазами. Отец допоздна слушал футбол и забыл выключить приемник. Это у него бывает, потому что в полночь, сразу после гимна, радиоточка замолкает сама собой. Правда, по транзистору, крутя колесико, можно поймать чужую, вихляющую музыку (дядя Юра называет ее «джазом») и смешное иностранное бормотание, даже китайское, похожее на кошачье мурлыканье.

Утро тоже всегда начинается с гимна. Сперва слышится мерное пощелкивание, словно на диск патефона поставили треснувшую пластинку. Потом комнатку заполняет громокипящий мотив нашей Родины – страны с ритмичным именем СССР и гербом, похожим на мяч, влетевший между снопов. Летом на Волге мы с местными ребятами играли в футбол, сложив ворота из вязанок ржи, забытой в поле колхозниками. Мяч улетел в воду, его понесло течением и выбросило на песок после того, как прошел, ухая винтом, белоснежный, с золотыми буквами по борту «Валерий Чкалов».

Я лежу в темноте, слушая гимн. Музыка вскипает и накатывает торжественными волнами, высокими, как от четырехпалубного теплохода. Я думаю о Шуре Казаковцевой. Сегодня она должна вернуться в класс после трехмесячного отсутствия: ее отправляли лечиться в «лесную школу». Что-то с легкими. Об этом сообщила в конце урока Ирина Павловна и странно на меня посмотрела. С Шурой мы целый год сидели за одной партой, и когда ее увезли, мне стало так скучно, что я неделю не ходил на уроки. Сказал: кружится голова и в глазах роятся мухи.

– Черные? – уточнила участковая врачиха, срочно вызванная ко мне на помощь.

– Белые мухи, – на всякий случай соврал я: индейский вождь Одинокий Бизон так называл снежинки.

– Странно, – задумалась она, поглаживая свои редкие усики. – Надо сдать анализы. И питаться надо лучше! Мамаша, ну, что это такое? Ребра как стиральная доска! Рыбий жир – срочно!

Лучше бы я подвернул ногу! Родители мне, конечно, сразу поверили, а бабушка даже обрадовалась: «Вот! Я вам давно говорила: малокровие. Посмотрите: краше в гроб кладут». Это, разумеется, неправда: грузчик Шутов со второго этажа выглядел гораздо хуже. Когда соседи прощались с ним во дворе общежития, нас, детей, к гробу близко не подпускали, но я успел увидеть сквозь толпу мертвое накренившееся лицо. Оно было серо-синего цвета, как мой испорченный свитер. Рассмотрел я и его сцепленные руки, которые он на себя наложил. Ужас!

Услышав про питание, мама тут же сбегала в аптеку за рыбьим жиром и гематогеном, отдаленно напоминающим шоколад, потом еще сходила в гастроном на Бакунинской, где купила черный кубик паюсной икры и сто грамм севрюги, нарезанной тонкими, как промочка, ломтиками. Почему-то она была уверена, что больным детям необходимы именно икра и севрюга, а не конфеты или, скажем, пирожное «картошка». Взрослые в еде вообще ничего не смыслят.

...Громко чертыхается разбуженный внезапной музыкой отец, он садится на скрипучей кровати, шарит в темноте, чтобы выключить звук, но не сразу находит нужную кнопку: транзистор-то – новый, непривычный. Музыка еще раз вскипает и обрывается. Дядя Юра (муж маминой сестры) рассказывал, что раньше гимн был со словами в честь Сталина, и его пели хором, но кукурузный Хрущ старые слова отменил, а новые так и не придумал. Теперь вот осталась одна мелодия. Самого Хрущева, лысого бородавчатого толстяка в мятой шляпе, с тремя Звездами Героя на обвислом пиджаке, сняли в прошлом году за волонтеризм

и кузькину мать. Но главное: весь наш хлеб отправили на Кубу, и меня посылали к булочной занимать очередь. Взрослые, сойдясь за воскресным столом, горячо обсуждали эти новости, по привычке понижая голос. Они всегда так делают, если заходит речь о политике и евреях. Дядя Юра объяснил: раньше за плохие слова о вождях и евреях могли даже забрать в тюрьму, теперь, конечно, не сажают, но опаска осталась.

... Отец, кряхтя, выключает бодрые утренние новости про уголь, выданный «на гора», и «третью очередь» горного комбината, я представляю себе булочную, к которой стоит не одна, а целых три очереди. Если бы он вечером слушал не транзистор, а репродуктор, прикрепленный высоко в углу и похожий на черную шляпу, ему пришлось бы вставать на табурет, как Шутову. Но отцу на заводе подарили к 23 Февраля приемник «Сокол» в кожаном футляре, и теперь он слушает только его, прижав к уху, точно грелку. Мать сердится: «Шляпа»-то вещает бесплатно, а для «Сокола» нужно время от времени покупать батарейки. Кроме того, она не верит, что транзистор ему вручил завком и подозревает какую-то Тамару Викторовну. Но отец без конца дает ей «честное партийное слово», и мама, тоже член КПСС, обязана ему верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.